

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

ГЛАВА I

Кольцо с древними письменами

Многие любители географии и этнографии читали книгу моего дорогого друга, профессора Птолеми Хиггса, где он описывает плоскогорье Мур в северной части Центральной Африки, древний город в горах, окружающих это плоскогорье, и племя абиссинских евреев, точнее, их потомков, которые проживают на данной территории. Я говорю «многие» вполне обдуманно, поскольку круг увлечений современного образованного человека очень широк и включает интерес к древностям. Сейчас поясню, что я имею в виду.

Оппоненты, завистники и недоброжелатели профессора Хиггса, которых у него довольно много по той причине, что его открытия произвели переворот в науке, что он — блестящий автор и одаренный полемист, обвиняли его в преувеличениях и прикрасах, а иногда в откровенной лжи. Например, сегодня один из них опубликовал в утренней газете открытое письмо к некоему известному путешественнику, который несколько лет тому назад читал лекции в Британском обществе, спрашивая его, как в действительности профессор Хиггс пересек пустыню Мур: на верблюде, как он утверждает, или на гигантской сухопутной черепахе?

Заклучавшийся в этом письме намек на шарлатанство привел профессора Хиггса, который никогда не отличался кротким характером, в дикую ярость. Несмотря на все мои уговоры не принимать глупую публикацию близко к сердцу, Хиггс выскочил из дому, прихватив с собой плеть из кожи гиппопотама, которую египтяне называют коорбаш, с твердым намерением расчитаться с клеветником. Дабы предотвратить скандал, я позвонил автору статьи, человеку бойкому, суетливому и острому на язык, но, к сожалению, слишком тщедушному телом, и посоветовал ему под любым предлогом избежать встречи с профессором Хиггсом. По тому, как он внезапно швырнул трубку, я понял, что он принял мой совет во внимание. Я надеялся на благополучный исход этого инцидента, но на всякий случай связался с адвокатом моего справедливо возмущенного друга.

В самом начале повествования объясню читателям, что я пишу эту книгу не для того, чтобы выставить в выгодном свете себя и своих друзей, и не ради заработка — я теперь достаточно обеспечен, — а с единственной целью: поведать всю правду, чистую и неприкрашенную. О том, где мы побывали и что с нами произошло, ходит множество слухов, многие из которых не имеют ничего общего с истиной, — именно ее-то я и намереваюсь пролить на свет божий. Сегодня перед завтраком, отложив газету с гнусными инсинуациями, я немедленно телеграфировал Оливеру Орму, герою моей повести, который в настоящее время совершает кругосветное путешествие, и попросил у него разрешения откровенно рассказать обо всех наших приключениях. Спустя десять минут я получил ответ из Токио.

«Поступайте, как знаете и как считаете нужным, — писал Орм, — но обязательно измените имена. Дело в том, что я собираюсь возвращаться через Америку и опа-

саюсь интервьюеров. Япония — чудесная страна». Далее следовали сообщения частного характера, которые я опускаю. Оливер всегда посылает очень забавные телеграммы.

Прежде чем начать нашу историю, сообщу читателям некоторые сведения о самом себе. Меня зовут Ричард Адамс, я сын фермера из Камберленда, моя мать была родом из Корнуолла. Во мне течет кельтская кровь, которой, вероятно, и объясняется моя любовь к странствиям. Теперь я уже пожилой человек, и, полагаю, мой конец не так далек: мне исполнилось шестьдесят пять лет. Из зеркала на меня глядит высокий худощавый господин, мой вес около ста сорока фунтов — да-да, не удивляйтесь: пустыня сожрала весь мой лишний жир, хотя когда-то я походил на Фальстафа; у меня карие глаза и продолговатое лицо, я ношу остроконечную бородку, такую же седую, как и мои волосы. Я по природе своей самокритичен и прямо скажу, да и зеркало не лжет, что по внешнему виду напоминаю старого козла; кстати, туземцы, среди которых я жил, особенно люди племени халайфа, державшие меня в плену, дали мне прозвище Белый козел.

Но довольно о моей внешности. Что до моей профессии, то я врач, принадлежащий к старой школе. Студентом, а затем молодым доктором я всегда выделялся из своей среды и возвышался над средним уровнем. Однако в жизни человека нередко случаются обстоятельства, которые меняют весь его привычный уклад. Короче говоря, так вышло, что я не пожелал оставаться в Англии, хотя мог благополучно жить на родине и иметь отличную врачебную практику до конца своих дней. Меня тянуло повидать мир, и я на много лет отправился в дальние страны.

Мне было сорок лет, когда я практиковал в Каире, — упоминаю об этом лишь потому, что именно здесь

я познакомился с Птолеми Хиггсом, который уже тогда, молодым человеком, отличался исключительными познаниями в области древностей и лингвистики. Он говорил на пятнадцати языках, причем так, как будто каждый из них был его родным, он свободно читал на тридцати двух языках и разбирал иероглифы с такой же легкостью, с какой любой англичанин читает «Таймс».

Я лечил его от тифа, но не взял с него вознаграждения, потому что он потратил все свои сбережения на покупку скарабеев и тому подобных экзотических древностей, при виде которых он дрожал от азарта и готов был выложить любые деньги. Этого небольшого одолжения с моей стороны Хиггс никогда не забывал: несмотря на все свои недостатки (я уже упоминал о его вспыльчивом, несдержанном характере), Птолеми был преданным, надежным другом.

В Каире я женился на женщине из племени коптов. Она принадлежала к коптской знати, и, по преданию, ее род вел начало от одного из фараонов времен Птолемея, что кажется мне вполне вероятным. Она получила хорошее воспитание и приняла христианство, хотя, конечно, по сути своей осталась восточной женщиной, а для европейца жениться на такой женщине очень опасно, особенно если он продолжает жить на Востоке и отрезан от людей своей расы. Женитьба вынудила меня покинуть Каир, переехать в Асуан, тогда малоизвестное место, и практиковать исключительно среди туземцев. Мы жили с женой в полном согласии, пока чума не унесла ее, а вместе с ней и мое счастье. Подробности своего брака я опускаю, потому что для меня все это настолько священо и вместе с тем тяжело, что писать об этом мне трудно. У нас с женой был сын, которого, в довершение всех моих несчастий, украли люди племени махди, когда мальчику исполнилось всего двенадцать лет.

Теперь я вплотную подхожу к теме повести. Никто другой не напишет ее за меня: Оливеру все время некогда, а Хиггс не в состоянии; там, где дело не касается древностей, он инертен и беспомощен. Итак, делать это приходится мне. Как бы то ни было, если рассказ получится неинтересным, повинен в этом буду я, а не наши приключения, сами по себе весьма необычные.

Сейчас середина июня, а год назад в декабре, вечером того дня, когда я после многолетнего отсутствия вернулся в Лондон, я постучал в дверь квартиры профессора Хиггса на Гилфорд-стрит. Мне открыла его экономка миссис Рейд, худая неприветливая старушка, которая всегда напоминала мне ожившую мумию. Она сообщила, что профессор дома, но у него к обеду гость, поэтому предложила мне зайти завтра утром. С большим трудом мне удалось убедить ее доложить хозяину, что из Египта прибыл его старый друг и привез нечто такое, что его наверняка заинтересует.

Через пять минут я вошел в гостиную, которую миссис Рейд указала мне из нижнего этажа, не поднимаясь со мной по лестнице. Это была большая, во всю ширину дома комната, разделенная массивной аркой на две части. Помещение отапливалось камином, перед которым стоял накрытый к обеду стол. В гостиной размещалось изумительное собрание всяческих древностей, в том числе несколько мумий с золотыми масками на лицах, — мумии стояли в ящиках у стены. В дальнем углу над заваленным книгами столом горела электрическая лампа, и там-то я заметил профессора, которого не видел целых двадцать лет, хотя мы постоянно переписывались, пока я не пропал в пустыне. Подле Хиггса сидел его друг, с которым они собирались вместе обедать.

Но сначала я опишу внешность Хиггса, которого даже его оппоненты признают одним из наиболее сведущих